

ЗА ПРЕДЕЛАМИ
РАЗУМА
ЧТО МЫ ДУМАЕМ И КАК
МЫ К ЭТОМУ ПРИШЛИ

ФЕЛИПЕ
ФЕРНАНДЕС-АРМЕСТО

Фелире Фернандес-Арместо

За пределами разума:

что мы думаем и как

мы к этому пришли

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67878939

За пределами разума. Что мы думаем и как мы к этому пришли:

Питер; СПб; 2022

ISBN 978-5-4461-1567-9

Аннотация

Историей человечества движет воображение – удивительная способность представлять то, чего нет. Опираясь на данные из различных областей политики, религии, культуры, философии и истории, Фелипе Фернандес-Арместо рассказывает об увлекательных и пугающих случаях полета человеческой фантазии от первобытных времен до наших дней. Принципиально новое понимание когнитивной науки позволяет автору изучить пути и способы возникновения новых идей и выстроить увлекательные предположения о том, кем мы являемся и чего еще сможем достичь. При помощи исторических свидетельств Фернан-дес-Арместо воссоздает мысли наших предков со времен палеолита, раскрывая тонкость и глубину мышления людей. Это настоящая ода человеческому воображению, созданная утонченным мыслителем, позволяет нам увидеть, что плохие

идеи зачастую оказываются более влиятельными, чем хорошие, что самые древние из доступных нам идей являются одними из лучших и что идеи западного мира часто были следствием взаимодействия с другими частями света.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Пресса об авторе	7
Глава 1	10
Движущая сила мысли	10
Большой мозг – великие мысли?	17
Взгляд из галактики	20
Развитие воображения	24
Неправильная память	27
Предвосхищение	40
Мысли и язык	48
Создание культуры	53
Сила мысли	57
Глава 2	61
Мышление человека до начала земледельческого периода	61
Каннибалы и их моральные принципы: самые ранние идеи?	61
Представления о загробной жизни	64
Первая этика	69
О чем думал Homo sapiens	71
Противоречивые символы	73
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Фелипе Фернандес- Арместо

За пределами разума. Что мы думаем и как мы к этому пришли

А так как мысль неистребима, так как ее отпечаток сохраняется в окружающем мире даже тогда, когда тот, кому она принадлежала, сей мир уже покинул, то во власти живого человека восстановить и вернуть к жизни мысли мертвого – какими они были при его жизни...

Эдвард Бульвер-Литтон, «Лицом к лицу с призраками»

Что есть разум? Не материя. Что есть материя? Не разум.

«Punch» (1863)

OUT OF OUR MINDS

What We Think and How We Came to Think It

FELIPE FERNÁNDEZ-ARMESTO

© Felipe Fernández-Armesto, 2016

© Перевод на русский язык ООО «Прогресс книга», 2022

© Издание на русском языке, ООО «Прогресс книга»,
2022

Пресса об авторе

Фелипе Фернандес-Арместо – один из выдающихся современных историков. Для его книг характерны всестороннее освещение материала, оригинальный взгляд на проблему, свежесть восприятия и уникальная подача информации.

Франкт Маклинн, Independent

В его работах исторические факты приобретают оригинальную трактовку.

Виктория Глендинниг, The Times

Фелипе Фернандес-Арместо, без сомнения, является одним из наиболее авторитетных исследователей и критиков политического строя... Его высказывания всегда оригинальны и заставляют задуматься.

Жан Моррис, New Statesman

Он как будто каждый раз готовится к сдаче серьезного экзамена.

Джон Бейли, Spectator

Отважный и неутомимый, как аргонавт.

Washington Post

...Его книга о путешествиях ничем не уступает запискам Марко Поло или сэра Джона Мандевилля – она захватывает, будоражит воображение и

заставляет улыбнуться. «1492» – книга для избранных, удивительная и изящная. Фелипе Фернандес-Арместо – увлеченный странник в мире исторических и культурных фактов.

Питер Акройд, The Times

Книга Фернандеса-Арместо по истории Западного Средиземноморья – образец исторического повествования: она захватывает, интригует и просвещает одновременно.

Mail on Sunday о «1492»

Никогда раньше не читала ничего подобного – настоящее интеллектуальное наслаждение.

Луиса Жардин, Independent, Truth: A History

Одна из самых впечатляющих книг на историческую тему.

Sunday Telegraph, Millennium

Прорыв в писательском деле... Интригует и увлекает.

Financial Times, Millennium

Неожиданные сравнения и яркие описания... Фернандес-Арместо путешествует по планете Земля во времени и пространстве; он уводит нас за собой на 10 000 лет назад, мастерски оперирует историческими фактами, связывает их воедино и находит интересные закономерности.

Дж. Р. Макнейл, New York Times Book Review о

«Цивилизации»

Уникальная смесь исторических фактов и неожиданных выводов, великолепный стиль... Книга обязательна к прочтению.

Джон Грей, Literary Review, A Foot in the River

Глава 1

За пределами разума

Движущая сила мысли

Теперь, когда Эдгара нет в живых, я чувствую себя виноватым – ведь я так и не смог найти в этом человеке хоть какие-нибудь достоинства. Он был старшим научным сотрудником, которому я должен был подчиняться.

Профессором Эдгар стал еще в то время, когда в университетах активно создавались новые факультеты и требования к должности преподавателя были весьма скромными. Эти люди просто хорошо знали материал, но преподавание не было делом всей их жизни. Свою неуверенность Эдгар скрывал за напускным спокойствием и самодовольством. Он издевался над студентами, а на коллег смотрел свысока. Он любил доставать меня и часто говорил неприятные вещи про мою любимую собаку. «Только представьте, – начинал он каждый раз, – у этих существ мозг размером с горошину; они абсолютно ничего не соображают и лишь подчиняются своим примитивным инстинктам, обнюхивая столбы и деревья, на которые написала другая собака».

«Видите, насколько глуп этот пес», – продолжал Эдгар,

когда собака отказывалась подчиняться его командам.

Я подозревал, что, сравнивая человека и собаку, Эдгар получал особое удовольствие, поскольку не видел других способов поднять свою самооценку. Однако постепенно я начал понимать, что он просто был заложником известных предубеждений. Люди часто считают себя самыми разумными среди всех живых существ на планете, несмотря на то что каждое из них разумно по-своему и сравнения здесь неуместны: собаке нет необходимости решать алгоритмы, а человеку – обнюхивать придверный коврик. Мы ошибочно принимаем за отсутствие интеллекта неспособность выполнять действия, которые кажутся нам важными. То, что я раздражаюсь всякий раз, когда моя собака отказывается принести мне палку, для нее выглядит лишь как мое нежелание дать ей спокойно полежать или изучить оставленный кем-то интересный след. Мы считаем животных разумными, если они выполняют наши требования, хотя то же самое качество в каком-либо человеке вызывает у нас отвращение, поскольку говорит об отсутствии инициативы и способности к критическому мышлению.

У меня, конечно, нет доказательств, но я убежден, что мой пес каким-то образом анализирует и оценивает отдаваемые ему команды по степени интересности. Иван Павлов считал, что поведение собак определенным образом обусловлено, – так же как и некоторых представителей рода человеческого. Собаки игнорируют наши требования, когда погружают-

ся в свои собачьи проблемы, которые для них гораздо важнее. Однажды я наблюдал, как мой пес был занят разработкой стратегии по поимке белки: он упорно пытался найти положение ровно посередине между двумя деревьями. План не сработал, хотя определенно был хорош. Люди, которые занимаются исследованием возможностей собачьего интеллекта, сказали бы мне: «Ваша собака просто гений». Рене Декарт считал, что его собака думает и чувствует не больше, чем какой-нибудь робот (и поэтому можно спокойно наказывать ее и не испытывать при этом угрызений совести); собака же, я думаю, напротив, воспринимала Декарта как разумное и чувствующее существо. Так у кого же из них было больше здравого смысла и жизненной мудрости?

Что касается интеллекта, то в основном попытки оценить уровень превосходства человека над животными обречены на неудачу. Утверждение «мы, люди, обладаем особой формой сознания» голословно, поскольку невозможно поставить себя на место другого существа. Чтобы убедиться в том, что люди обладают исключительной чувствительностью и восприимчивостью, сверхвыраженной интуицией, чувством времени, наделены Богом либо природой уникальными способностями (например, способностью изучать языки, чувством прекрасного, моральными качествами, бессмертной душой, метапсихическим уровнем мышления и так далее), – все это для начала следовало бы обсудить с представителями других биологических видов. Ну или проверить с помощью

объективных тестов.

Известные на сегодняшний момент эксперименты доказывают лишь то, что у людей и животных очень много общего в сфере творческого и образного мышления. Особый интерес представляет вопрос, с чем связано несовпадение по некоторым параметрам с точки зрения качества и количества.

Моя книга посвящена этому очевидному несовпадению. Люди превосходят собак и, насколько это известно, всех других животных в одной способности особого порядка – возможности постигать (а иногда – еще и рождать) идеальную сущность, которую мы называем мыслью. Творческий потенциал животных сильно уступает человеческому. Разница же в способностях оперировать предметами, вопросах самознания, мышления или коммуникации не так велика. Только человеку может прийти в голову назвать собаку – Бах, обезьяну – По, ящерицу – Платон, а кита – Достоевский и настаивать на том, что им под силу сосчитать, сколько будет дважды два. Я, конечно, не могу утверждать, быть может, шимпанзе, собака или микроб втайне и мечтают о чем-то подобном. Но даже если и так – они ничего с этим не делают, в то время как люди заявляют о своих фантазиях, выносят их в мир, иногда получая совершенно ошеломительный результат. С удивительной настойчивостью мы пытаемся представить мир не таким, какой он есть на самом деле, основываясь исключительно на своих ощущениях. Именно так, если я не

ошибаюсь, у нас и рождаются идеи.

Но самое главное – человек часто меняет мир в соответствии со своими фантазиями. Мы постоянно что-то изобретаем: новый образ жизни, направления культуры, приспособления и механизмы, тенденции в скульптуре и живописи. А еще – разные способы скрыть то, что мы на самом деле думаем. Человек может услышать одну только ноту – и сочинить симфонию; увидеть палку – и создать ракету; любоваться пейзажем – и вообразить на его месте город; вкусить хлеб и вино – и приобщиться к Богу; произвести расчеты – и унести в бесконечность; впасть в отчаяние – и родить шедевр; смотреть на свои оковы – и воображать себя свободным. Наши фантазии непредсказуемы по сравнению с желаниями животных.

Если вы предпочитаете связывать понятия «интеллект» или «разум» со способностью рождать идеи, вы, конечно, можете это делать. Но точнее будут понятия «воображение» и «креативность». Творческие возможности – это одна из основных характеристик, возвышающих нас над миром животных. В связи с этим назревают первые вопросы, касающиеся истории развития мысли: «Откуда берется активное, все-сильное и такое богатое воображение?» и «Почему именно *люди* одарены богатым воображением?»

Ответам на эти вопросы почему-то не уделяется должного внимания, и одна из причин тому – не слишком интересные заключения о том, что воображение – это способность

сознания создавать образы (без каких-либо дополнительных пояснений). Более или менее подробное объяснение дают нам книги, посвященные изучению эволюции. В них воображение рассматривается как один из элементов поведения в брачный период: согласно этой теории, животные применяют креативный подход (например, неординарность поведения) для привлечения партнера. Скажем, павлин распускает свой хвост. Данная теория относит воображение к числу развившихся в ходе эволюции способностей, но не дает этому четких обоснований: если воображение является лишь средством привлечения партнера, то ему отведена весьма скромная роль по сравнению с физической привлекательностью и практическими навыками. Ах, если бы умственные способности были сексуально более привлекательными, чем физическая сила, и поэт был бы более востребован в качестве партнера, чем слесарь! Любовница Генри Киссинджера как-то на вопрос о ее сексуальных предпочтениях ответила: «За чем иметь крепкое тело, способное остановить танк, если можно иметь мозг, способный прекратить войну?» Насколько это утверждение искренне – комментировать не буду.

Нейрофизиологи, у которых есть возможность просканировать человеческий мозг и определить малейшие признаки нейронной активности, не в состоянии зафиксировать момент работы образного мышления. Возможности сканирования весьма ограничены: электрические и химические изменения в мозге говорят об активации мыслительной дея-

тельности, но она в равной степени может являться как следствием, так и причиной. Я не говорю, что полученные нейробиологами данные ничтожны: благодаря им мы можем судить об активации механизма запоминания, увидеть, из каких компонентов складывается работа воображения. Но научного объяснения уникальной способности человека использовать воображение на данный момент нет.

Если мы хотим понять, каким образом у нас рождаются идеи, можно провести сравнение между людьми и животными по некоторым наиболее существенным характеристикам. Это лишь первый шаг, поскольку мы довольно сильно отличаемся от всех других живых существ на планете (как, возможно, отличаются друг от друга и представители разных внеземных цивилизаций). Но нас окружают не ангелы или другие бестелесные сущности, а вполне себе осязаемые существа из плоти и крови. Традиционные предположения об исключительных способностях человека не так уж ошибочны, однако сравнение с другими живыми существами, как мы дальше увидим, вовсе не на сто процентов будет в нашу пользу. На первом этапе предметом моего рассмотрения станет мозг. Не потому, что я считаю сознание и мозг родственными или даже синонимичными структурами и понятиями, а потому что этот орган помогает нам отслеживать свои мысли. Идеи могут существовать вне материального тела, но нам нужен мозг, чтобы подтверждать нашу способность их иметь. В процессе изучения этих фактов мы стал-

живаемся с интересным парадоксом: недостаток умственных способностей часто компенсируется наличием богатого образного мышления, благодаря чему и рождаются новые замыслы.

Эволюция – это неизбежный и закономерный процесс. Идеи есть продукт психической деятельности, они бестелесны и нематериальны. Хотя некоторые люди и верят в «мемы» («единицы информации», автор термина – Ричард Докинз), идеи не подчиняются законам эволюции. Но они являются продуктом деятельности человеческого организма: мозг перерабатывает и систематизирует их, а наши мышцы, конечности и органы речи передают их во внешний мир. Все, что мы делаем со своими мыслями, возможно благодаря эволюционным преобразованиям нашего организма.

В следующих разделах я собираюсь поговорить о том, что эволюция дала нам исключительную способность предугадывать события, но при этом наделила довольно неразвитой памятью; что воображение есть следствие сочетания этих двух качеств; что способность рождать идеи является следствием всего вышеперечисленного; и что все это оказывает большое влияние на историю развития человека как вида.

Большой мозг – великие мысли?

Одним из заблуждений Эдгара была его уверенность в следующем: чем крупнее мозг, тем более развиты умствен-

ные способности. Я где-то прочитал, что у Тургенева был необычно большой мозг, а у Анатоля Франса – необычно маленький. Не знаю, правда ли это, впрочем, не собираюсь и выяснять, но *se non è vero è ben trovato*¹: оба писателя были гениями. У женщин мозг относительно размеров тела, как правило, больше, чем у мужчин; у неандертальцев мозг крупнее, чем у *Homo sapiens*; размеры мозга у людей эпохи палеолита превышали размер мозга современного человека. Возьмется ли кто-нибудь доказывать, что эти различия в размерах соответствуют разнице умственных способностей? Несколько лет назад на острове Флорес в Индонезии археологи обнаружили останки первобытного человека, размер мозга которого был даже меньше, чем у шимпанзе. Однако рядом с этими останками нашли такой разнообразный набор орудий труда, какой скорее ожидаешь увидеть при раскопках поселений наших предков, живших около сорока тысяч лет назад, а ведь размер мозга у них был в среднем больше, чем у современных людей.

Большой мозг совсем не гарантирует наличие великих мыслей. Микрочип довольно мал, однако тоже способен выполнять множество операций. Чтобы работать, мозгу нужны питательные вещества, хорошее кровоснабжение и достаточное количество энергии. Насколько нам известно, большая часть клеток мозга в основном бездействует. Нейрофизиологи не могут определить насчет функций предположи-

¹ «Умная ложь лучше глупой правды» (итал.). – Примеч. ред.

тельно инертных астроцитов, количество которых превышает число активных нейронов. Вообще ученые до сих пор не пришли к единому мнению относительно назначения большей части структур человеческого мозга.

Размер мозга человека не влияет на стиль мышления, но мозг, тем не менее, является своего рода «несущей стеной» – это орган, который развился в процессе эволюции, чтобы осуществлять мыслительную деятельность. Большая часть человеческого мозга кажется абсолютно ненужной, так же как, например, железы или аппендикс. Правда, в таком случае вообще непонятно, зачем они появились в нашем организме? Но они есть и явно выполняют какие-то неочевидные, но важные функции, иначе в процессе эволюции просто исчезли бы (тут процитируем Дарвина: намерения эволюции порой так же непредсказуемы, как направление ветра).

Несложно проследить, каким образом увеличивался в размерах мозг человека. Его развитию способствовал рацион: фрукты более питательны, чем корни, а мясо имеет еще большую энергетическую ценность. Будучи всеядными, наши предки смогли получить более крупный мозг. Другой возможный фактор – объединение древних людей в группы для совместного проживания: ведь чем больше группа, тем большее количество информации приходится обрабатывать. Мозг – это не дизайнерский проект с выбором набора желаемых опций. Природа «выдала» человеку определенную структуру, которая сама постепенно развивается и со-

вершенствуется, наращивая кору, углубляя извилины, развивая сосудистую оболочку и оформляя лобные доли. Возможно, именно поэтому размер мозга у человекообразных обезьян (хотя и не у всех приматов) зависит от численности группы, в которой они проживают.

На фоне изменений размера человеческого мозга в нем постепенно начинает образовываться больше нейронных связей, чем в мозге других живых существ; однако эффективность его работы объясняется не только этим. У человека есть возможность мыслить – это наше главное отличие; однако все остальные функции мозга имеются также и у животных. Короче говоря, размер данного органа объясняет нашу способность думать и размышлять, но ничего не говорит о специфике этого процесса.

Взгляд из галактики

Вместо того чтобы впустую радоваться большому размеру мозга, гордиться своим превосходством и развитым интеллектом, стоит сосредоточиться на том, чем мы принципиально отличаемся от других видов. То есть на функциях мозга и примерах разумного поведения.

Здесь нас ждут некоторые трудности: многие люди совсем не склонны много думать. «О, – вторят они словам Джона Китса, – жизнь дана для того, чтобы чувствовать, а не думать!» Обычно возможности человеческого мозга использу-

ются не в полную силу. Зачастую мы предоставляем другим людям принимать за нас решения: вспомним, например, рекламу и пропаганду. Подражательство и вера в правоту лидера преподносятся нам как варианты разумного поведения. Так почему бы не поклоняться тирану, если он нас кормит? Почему обезьян не считают умнее и сильнее человека? Способность выживать в неблагоприятных условиях и адаптироваться к ситуации – порой необходимые качества. Одомашненные животные часто демонстрируют подобное разумное поведение – собака виляет хвостом, овца проявляет смирение. Если мы хотим выявить *истинно человеческий* способ мышления, необходимо проанализировать поведение людей, для которых размышления являются основным видом деятельности. Только так мы сможем выявить коренные различия между нами и другими живыми существами.

Чтобы понять, в чем заключаются эти различия, необходимо поработать с фокусом внимания. Посмотреть на ситуацию под другим углом всегда полезно. Например, если я попрошу кого-то из своих студентов найти различия между одноклассниками, он/она, скорее всего, выявит следующее: у Мауры больше веснушек, чем у Элизабет; Билли всегда носит рубашки с длинным рукавом, а Арман – с коротким; Сяосинг на год младше всех остальных ребят. Сторонний наблюдатель увидит более объективную картину и сможет сделать независимые выводы. «Сорок процентов студентов группы – мужчины, а остальная часть – женщины, – ска-

жет он. – Большая часть группы – европейцы, трое похожи на выходцев из Восточной Азии, двое – из Южной Азии, а двое – чернокожие. Если судить по фамилиям, многие студенты имеют ирландские корни». И далее в том же духе. Оба взгляда на группу правдивы, но для наших целей нужна точка зрения независимого эксперта. Чтобы рассмотреть особенности человеческого мышления в сравнении с похожими способностями других живых существ, нам требуется максимально объективное мнение.

Поможет мысленный эксперимент. Попробую представить себе самую что ни на есть объективную позицию. Это будет похоже на космический наблюдательный пункт «Воронье гнездо», из которого наделенный божественной властью смотрящий сможет обзирать всю планету целиком, отслеживать историю происхождения и развития каждого населяющего ее вида, проникать взглядом сквозь пространство и время, как это было в рассказе «Алеф» Хорхе Луиса Борхеса. Что этот наблюдатель думает о различиях между человеком и другими живыми существами? Я думаю, он скажет: «В основном вы все одинаковые – лишь набор клеток с ограниченным сроком жизни. Но в вас, люди, я вижу что-то еще. Вы можете то же, что и другие виды, и гораздо больше. Насколько я могу судить, вы много думаете, решаете проблемы, путешествуете, пробуете разную пищу, объединяетесь в политические и социальные группы, придерживаетесь неодинаковых взглядов, выбираете разные профессии и сферы дея-

тельности. Вы исповедуете религии, развиваете технологии, возводите здания, занимаетесь искусством, влияете на экологию, много производите и потребляете, изобретаете все новые и новые средства коммуникации; вы храните и приумножаете свои культурные традиции, то есть обрушиваете на мир лавину идей с бешеной скоростью. Это не под силу никому больше на земле. Я вижу, что вы тратите много времени и сил на самосозерцание, обдумывание своих ценностей, на попытки обобщить и проанализировать; вы придумываете новые истории, создаете невиданные ранее образы и сочиняете оригинальную музыку. По сравнению с другими живыми существами вы медлительные, слабые, бесхвостые. Вам не хватает ловкости, клыков и когтей (правда, вы изобретаете ракеты, и у вас довольно подвижные пальцы). Но несмотря на телесное несовершенство и недостаточную силу, вы отлично справляетесь с массой проблем, принимаете решения. Вы способны преобразовывать настоящую и будущую жизнь – благодаря чему чувствуете себя хозяевами на этой планете».

Впрочем, дальнейшие наблюдения могут помешать наблюдателю проникнуться к нам симпатией. Если оценить таким образом уникальность каждого населяющего планету вида, мы не сможем возвысить человека над другими живыми существами. В своей изобретательности мы не одиноки, но все же обладаем исключительными творческими способностями, оригинальностью и глубиной мышления. В этом

смысле различия между человеком и другими живыми существами выходят за рамки развития в пределах своего биологического вида. Эти различия связаны с прогрессом человеческой цивилизации, со способностью преобразовывать окружающий мир в соответствии со своими желаниями и потребностями.

Развитие воображения

Как мы вышли на такой непревзойденный уровень развития? Мозг, как и любой другой орган, подстраивается под условия окружающей среды, видоизменяется и эволюционирует. Он вынужден адаптироваться к новым требованиям и обстоятельствам и совершенствовать свои функции: для решения насущных практических задач, обеспечения выживания вида, преодоления разного рода трудностей. Те идеи, которые я буду рассматривать в данной книге, имеют некоторую специфику. В Италии эту форму творческой мысли называют волшебным словом «*fantasia*», то есть «иллюзия, воображение, уводящее нас за пределы реальности». Благодаря воображению можно сотворить мир, абсолютно непохожий на тот, в котором мы живем: его реальность нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть, поскольку этот мир существует лишь в нашей голове (например, это может быть приукрашенное будущее и виртуальное прошлое), ему часто нет места в реальной жизни (например, бесконечность, ад или

рай), поскольку в нашей действительности для этого недостаточно ресурсов и возможностей. Вилейанур Субраманиан Рамачандран, индийский невролог, который посвятил свою жизнь изучению работы человеческого мозга и особенностей человеческого сознания, сказал следующее: «Как может желеобразная субстанция весом в три фунта... вообразить ангелов, устремиться в бесконечность и даже найти себе новый дом на космических просторах среди звезд?»

Есть два традиционных варианта ответа: с точки зрения науки и с позиции метафизики. Научный подход заключается в том, что в какой-то критический момент количество переходит в качество: мозг человека в силу особых мыслительных возможностей превосходит по размеру мозг других животных и, соответственно, функционирует иначе. Нет особой функции, которая отвечала бы исключительно за воображение и генерирование идей: эти процессы происходят автоматически благодаря интенсивной работе нашего сознания, которую обеспечивает более крупный по размеру и, соответственно, более развитый мозг.

С точки зрения метафизики креативность представляет собой способность духовного свойства, которую мы зачастую называем разумом, или разумной душой; это уникальная характеристика свойственна лишь людям.

Каждый из нас может выбрать, какая позиция из этих двух ему ближе. Однако ни та, ни другая не выглядит исчерпывающей. Чтобы согласиться с первым вариантом, нужно по-

нять, где именно находится та самая критическая точка перехода от обычной реакции к креативности. Чтобы поддержать вторую точку зрения, нужно мыслить метафизическими категориями. Разум, по мнению скептиков, – это лишь выдумка, своеобразная уловка, позволяющая обосновать наличие функций мозга, для описания которых у нейрофизиологов не хватает ни знаний, ни опыта.

Так что же делать в подобной ситуации? Я предлагаю поставить вопрос несколько иначе, чтобы избежать неопределенности и двусмысленности. Точнее всего обсуждаемую нами специфическую функцию человеческого мышления обозначает термин «воображение» – он объединяет в себе и фантазии, и изобретательность, и креативность, и переосмысление старого на новый лад, и рождение оригинальных идей, и вдохновение, и экстаз. Воображение – это всеобъемлющее понятие, оно в точности передает смысл новых взаимоотношений с реальностью: это умение и возможность представить то, чего не существует на самом деле.

Историкам (таким, как я, например) приходится в своем воображении воссоздавать картину далекого прошлого. Мечтатели уносятся в своих фантазиях в другие миры. Писатели описывают в произведениях никогда не происходившие события. Художники и скульпторы вынуждены, как сказал Шекспир, «опережать жизнь»; даже фотографы стараются поймать невидимый обычному глазу ракурс или иным способом запечатлеть реальность. Аналитики видят в полу-

ченной информации скрытый смысл. Изобретатели и первооткрыватели обязаны предвосхищать события, чтобы получить шанс на преобразование мира. Политики и реформаторы стремятся найти новые способы побороть зло и изменить будущее к лучшему. Каждая новая идея – это продукт воображения, которое требует умения нетрадиционным способом использовать накопленный опыт и переосмыслить действительность.

Так откуда у людей берется такое богатое воображение? Я считаю, за него отвечают три способности, две из которых развились в процессе эволюции, а происхождение третьей пока непонятно.

Первая способность – это **память** как высшая психическая функция, которая помогает нам придумывать что-то новое на основе имеющихся знаний и воспоминаний. Люди обычно хотят обладать хорошей памятью – надежной и твердой. Однако, как бы странно это ни звучало, плохая память чаще бывает лучшим помощником воображения.

Неправильная память

Нет ничего удивительного в том, что сравнение людей и животных по уровню развития мышления всегда оказывается в пользу первых: в конце концов, инициатива-то исходит от человека. Мы обладаем способностью думать одновременно о разных вещах, можем чудесным образом догады-

ваться, о чем думает другое существо, а еще в нашем арсенале имеется большое количество специальных символов. Но что касается памяти, тут у животных есть перед нами некоторые преимущества, можно даже сказать, превосходство.

Мой пес по имени Бью поражает меня своей способностью запоминать людей и маршруты. Если он прошел где-нибудь хотя бы раз, эту дорогу он уже не забудет. Он сразу вспомнил одну мою подругу спустя шесть лет после нашей последней встречи и бросился к ней с игрушкой, которую когда-то она ему подарила. Бью заставил меня поверить в историю, рассказанную Гомером, что лишь любимый пес смог вспомнить Одиссея, когда тот вернулся домой после долгих странствий. Бью точно помнит, куда запрятал свои игрушки и вкусные косточки, в то время как мне приходится каждый раз напрягаться, чтобы найти, куда я положил блокнот и очки.

Если у вас есть домашний питомец, уверен, вы можете рассказать немало подобных историй. Однако многие люди все же скорее готовы присоединиться к высказываниям Роберта Бернса в адрес «трусливого серенького зверька», у которого «вся в настоящем жизнь». На самом деле не стоит верить анекдотам про собачью забывчивость – различные исследования подтверждают тот факт, что по части запоминания нам до животных еще далеко.

Голубые кустарниковые сойки, например, помнят, где и когда они спрятали еду. Крысы легко могут найти выход из

сложного лабиринта даже без съедобной приманки – я же могу заблудиться в обычном парке. Крысы запоминают дорогу по запахам. Они с легкостью проходят тестирование на так называемую эпизодическую память, то есть помнят в четкой последовательности, что, где и когда произошло. Клайв Уинн – специалист, изучающий особенности сознания и интеллекта животных, – сделал определенные выводы на основании проведенных экспериментов. Он отметил, что голуби много месяцев хранят в памяти информацию, связанную с добычей пропитания, – они находят дорогу домой после длительного отсутствия. Пчелам также не составляет труда запомнить дорогу к еде. Шимпанзе запоминают, *каким именно* камнем из множества имеющихся им удалось когда-то разбить орех. В лаборатории за вознаграждение они способны воспроизвести последовательность нажимаемых кнопок на экране компьютера или клавиатуре. Вампировые летучие мыши помнят, кто когда-то стал для них донором, и передают эту информацию своим голодным сородичам.

Люди, которые сомневаются в возможностях памяти животных, настаивают на том, что все это лишь условный рефлекс – вспомним, как в экспериментах физиолога И. П. Павлова у собаки начиналось активное слюноотделение в ответ на предъявление стимула. Данные выводы легли в основу такого известного научного направления, как бихевиоризм. Способность к запоминанию, которую демонстриру-

ют крысы, летучие мыши, голуби и обезьяны, как сказал бы любой бихевиорист, – это условная реакция на внешний раздражитель, а не память в чистом виде. Однако чтобы подтвердить либо опровергнуть данную позицию, нам не хватает оснований. Аврелий Августин, которого я очень чту за ясность и непредвзятость мышления, был бихевиористом *avant la lettre*². Он считал, что лошадь может вспомнить дорогу лишь по мере продвижения по ней шаг за шагом, но этот путь не откладывается в памяти животного как целостное воспоминание. Даже у такого святого человека были сомнения, которые пока никому толком не удалось проверить. Августин руководствовался религиозными убеждениями: Господь вряд ли наделил бы лошадь способностями, близкими к божественным. Современные догматики придерживаются такой же ошибочной точки зрения. Однако большинство физиологов уже отказались от точки зрения, согласно которой поведение человека есть простая реакция на внешние стимулы. Так почему бы не пересмотреть свои взгляды и в отношении животных? Многие особенности человеческого поведения стали понятны нам благодаря экспериментам с животными – шимпанзе и гориллами. В чем-то они очень похожи на нас. Мы можем понять причины их поведения, мы можем даже общаться с ними определенным образом. Речевой аппарат обезьян не позволяет воспроизводить человеческую речь, но зато они отлично понимают язык символов.

² «Новатор» (фр.). – Примеч. ред.

Следуя инструкциям и выполняя действия по образцу, эти животные способны указывать на соответствующие значки, буквы и картинки для ответа на поступающие им команды.

Например, Панци – самка шимпанзе, живущая в лаборатории Университета Джорджии, – довольно ловко управляется с подобными символами. Ее общение с кураторами происходит при помощи карточек, которыми она размахивает, и клавиатуры, где она нажимает соответствующие кнопки. Во время планового эксперимента лаборанты на глазах Панци прятали сочные фрукты, игрушечные змейки, воздушные шары и бумажные поделки. После просмотра карточки с соответствующим изображением обезьяна не задумываясь указывала на место, где был спрятан нарисованный объект. Даже спустя шестнадцать часов животное находило около 90 % спрятанных ранее предметов. Все было абсолютно честно: ранее у Панци не было подобного опыта, а кураторы не могли ей подсказать, поскольку сами не знали, где были спрятаны предметы. Панци, таким образом, не просто подтвердила тот факт, что у шимпанзе есть чутье на поиск пищи, – она доказала, что животные способны запоминать некоторую информацию. Шимпанзе не только вспомнила последовательность событий в прошлом – на основании полученного опыта она была способна в дальнейшем предугадывать местонахождение пищи. В рамках другого эксперимента обезьяна при помощи клавиатуры уже сама помогала своему куратору находить спрятанные объекты. Чаще все-

го в экспериментах использовали орехи, но были и другие, несъедобные предметы. Заведующий лабораторией Чарльз Мензел сказал: «Мы всегда недооценивали память животных и до сих пор не знаем границы ее возможностей».

Конкуренцию Панци составила Аюма – сообразительная шимпанзе из Киото. Она прославилась в 2008 г. благодаря съемкам в телешоу, где одержала победу над человеком в игре на запоминание. Участники должны были запоминать числа, загорающиеся на экране на долю секунды. Аюма запомнила 80 % чисел, а ее соперники не вспомнили ни одного из них. То есть обезьяна одержала победу над человеком. Данный результат до сих пор подвергается тщательному анализу. Если не учитывать уникальные случаи, то обычно человеку под силу одновременно удерживать в памяти последовательность из семи объектов; другие приматы в состоянии запомнить больше и быстрее.

Видеоигра *Ape Memory* придумана с целью развить в себе «обезьянью» способность к запоминанию. Горилла по имени Кинг, живущая в зоопарке Джангл-Айленд в Майами, штат Флорида, вдохновила создателей игры на разработку новой версии под названием *Gorilla Memory*. Кинг отлично считает. Он общается с человеком при помощи карточек с изображениями. Когда приматологи выбрали его для проведения эксперимента, Кингу было уже тридцать лет – из-за возраста некоторые ученые сомневались в успехе предприятия. Но у гориллы было важное преимущество – многолетний опыт

общения с людьми. Кинг продемонстрировал свою способность запоминать прошедшие события в четкой последовательности – он абсолютно точно указывал на три продукта, которые ранее ел, причем в том самом порядке, как это происходило. Он помнил, кто именно давал ему конкретный продукт, хотя сам человек уже давно об этом забыл. Точно так же и мой пес вспомнил человека и игрушку, которую тот ему однажды подарил. И Кинг, и Бью продемонстрировали свое явное превосходство: если бы у людей были такие способности к запоминанию, это стало бы большим подспорьем в жизни. Члены команды, проводившей эксперименты с Кингом, демонстрировали ему некоторые новые для него действия, например имитировали кражу телефона или игру на воображаемой гитаре. Когда они просили показать, кто именно совершал действие, горилла отвечала правильно в 60 % случаев. Может, результаты и не очень сильно впечатляют, но сомневаюсь, что у вас получится лучше.

Шимпанзе могут вспоминать прошедшие события в хронологической последовательности и на основании этого прогнозировать будущее. Работа Джеммы Мартин-Ордас в зоопарке Лейпцига выделяется на фоне всех других экспериментов – она доказывает, что некоторые способности, которые мы традиционно считали прерогативой человека, на самом деле присущи и животным. В 2009 г. Джема на глазах у восьми шимпанзе и четырех орангутанов пыталась достать банан при помощи длинной палки. Затем она спрятала эту

палку и еще одну, покорооче, явно не подходившую для данной цели, в разных местах. Три года спустя (без промежуточных повторений) палки, как и банан, вернули на прежние позиции. Смогут ли обезьяны достать фрукт? Все животные, кроме одного орангутана, без труда вспомнили место, где была спрятана нужная палка. Те из них, которые не присутствовали при первичной демонстрации, сделать этого не смогли.

Способность удерживать и хранить информацию для дальнейшего использования – один из когнитивных механизмов, сближающих человека и приматов.

Другой, еще более сложный эксперимент провели психолог Колин Камерер и приматолог Тэцуро Мацудзава. Они исследовали способность человека и шимпанзе предугадывать события на основании прошлого опыта. Испытуемые из обеих групп наблюдали, как другие участники в процессе игры делали определенные (успешные) ходы на экране, и пытались оценить их шансы на победу перед каждым следующим ходом. В среднем у шимпанзе это получалось гораздо лучше, чем у людей, – обезьянам проще запоминать сложную последовательность действий. Данный эксперимент был направлен на выявление возможностей памяти и стратегических способностей участников: насколько хорошо игрокам удастся запомнить последовательность выбора оппонентов; способны ли они разглядеть определенный паттерн в произведении действий; насколько хорошо они могут предугады-

вать результат. Опыт показал, что по этим параметрам шимпанзе превосходят человека.

Итак, Эдгар ошибался, нелестно отзываясь об интеллекте животных. Однако я вовсе не утверждаю, что человеческая память не способна удивлять. Проповедники, актеры и студенты могут запоминать огромное количество информации. Сюжет фильма или спектакля – это череда всевозможных событий и хитросплетений, которые должен разыграть перед зрителями артист (как, например, Мистер Мемори в экранизации книги Джона Бухана «Тридцать девять ступеней»). Встречаются уникамы, которым ничего не стоит выучить наизусть даже телефонный справочник. Однако в некоторых случаях память животных все же оказывается эффективнее человеческой. Многие возмутятся, если сказать, что человек – не такой уж венец природы, но все же на эту тему стоит хорошенько поразмыслить. Принято считать, что любое отличие от животных автоматически гарантирует нам превосходство над ними. Но может, стоит подумать о том, в чем другие живые существа опережают нас? По части памяти люди зачастую уступают представителям других видов: мы не используем возможности памяти на всю мощь, а еще бывают различные нарушения, искажения. Признать такое не слишком приятно – это подрывает наше самоуважение. Мы гордимся своими воспоминаниями и ценим их. Именно воспоминания делают нас теми, кто мы есть, и в этом мы явно отличаемся от животных.

Литература – психологическая, судебно-медицинская, художественная – содержит массу доказательств несовершенства человеческих воспоминаний. Достаточно взглянуть на одну из самых известных работ Сальвадора Дали – унылый пейзаж с разбросанными бесформенными объектами. Художник назвал эту картину «Постоянство памяти», и в этом названии заложена определенная ирония: наши воспоминания постепенно тают, искажаются и исчезают. Пейзаж изображен на фоне закатного неба, лучи света еще пробиваются сквозь тучи над еле заметной полоской моря, придавая предметам неясные очертания. Вырастающая из воды скала как бы расплывается, растворяется в этом свете, напоминая о том, как со временем меркнет и тускнеет наша память. Мертвое, безжизненное дерево уходит стволом в голую землю. Большие циферблаты с замершими в разном положении стрелками вяло стекают с разных поверхностей как молчаливое свидетельство неумолимости и противоречивости времени. Один из циферблатов изъеден насекомыми, а в центре картины скорчилось нечто непонятное и зловещее, словно перекочевавшее сюда с картин Иеронима Босха. Воспоминания и правда приобретают чудовищную форму. Время все разрушает и извращает, память распадается и разлагается.

Несовершенство человеческой памяти помогает понять различия между ней и воображением. Эти различия не очень существенны. Память, как и воображение, дает возможность увидеть и почувствовать то, что в данный момент не пред-

ставлено в реальности. Но если воображение – это способность вообразить нечто, чего никогда не было, то память позволяет представить событие, которое уже происходило какое-то время назад. Это тоже своего рода воображение. Память также способна восстанавливать факты и события.

Различные мнемотехники, такие как, например, «искусство запоминания», к которому прибегал Цицерон для выступления перед судом и сенатом Рима, построены на системе ассоциаций или образов. Окровавленная рука может обозначать вступительную речь, а прекрасная роза или сочный фрукт – разоблачение пороков оппонента. Исследования работы мозга подтверждают сходство памяти и воображения: когда мы вспоминаем что-то или представляем себе что-то, задействуются практически одни и те же области мозга.

Итак, память и воображение взаимосвязаны. Однако некоторые философы с этим не согласны. Например, Аристотель утверждал, и вполне справедливо, что воспоминания относят нас в прошлое, то есть в часть объективной, а не вымышленной реальности. Но жизнь иногда противоречит здравому смыслу, перемешивая факты и вымысел.

Ложные воспоминания похожи на продукт воображения, их также характеризует некая творческая составляющая. Они сродни фантазиям и иллюзиям. Искажая свои воспоминания, мы создаем некую новую реальность: переплетаем и смешиваем события прошлого с вымышленными фактами. Без подобного опыта жизнь была бы скучна. Дэниэл Шактер,

когнитивный психолог, профессор Гарвардского университета, изучал особенности работы мозга в момент активации механизмов памяти. Он отметил тот факт, что плохая память ограждает наш мозг от информационных перегрузок – она избавляет нас от ненужных воспоминаний ради того, что действительно важно.

Если бы женщины помнили свою боль при родах, то вряд ли согласились бы повторить этот опыт снова. Социальным и сетевым работникам приходится «очищать» свою память, чтобы не хранить в ней имена и лица людей, помнить о которых им больше нет необходимости, а солдаты никогда не вернулись бы на передовую если бы не умели подавлять свои воспоминания об ужасах войны. Старики хранят несколько приукрашенные воспоминания о своих подвигах, забывая при этом то, что помнить не стоит. Мы подменяем реальные воспоминания тем, что создало наше воображение. То, что мы якобы вспоминаем под гипнозом или в ходе психотерапии, вполне может быть вымыслом или искажением. Но подобные воспоминания могут в том числе обладать и большой целительной силой.

Мы вполне способны смириться с нестабильностью и непредсказуемостью наших личных воспоминаний, однако при попытке как-то зафиксировать их получается то, что называется социальной памятью: общепринятая версия прошедших событий, в которых никто из нас не имел возможности участвовать. Но и здесь не обойтись без личной заин-

тересованности и желания приукрасить. Пропаганда возводит вымысел на пьедестал – создает на его основе учебники, размещает его на рекламных плакатах и вплетает в ритуалы и традиции. Таким образом, социальная память также не может гарантировать достоверность исторических и культурных фактов. Если бы психологи нашли способ каким-то образом определять наличие синдрома ложной памяти у людей, историки смогли бы использовать это при оценке правдивости событий на уровне народов и эпох.

Слуги правосудия, возможно, захотят возразить. Сходство памяти и воображения ставит под сомнение ценность признаний и показаний. В суде не должно быть места вымыслу – только реальным фактам. Однако свидетельские показания редко бывают четкими и однозначными. Приведу пример одной вымышленной истории, которая звучит вполне правдоподобно. В 1922 г. Рюноске Акутагава написал короткий рассказ «В чаще», вдохновивший в дальнейшем Акиру Куросаву на создание гениальной киноработы «Расемон». Сюжет: свидетели убийства дают противоречивые показания, а шаман выслушивает признание духа убитого. Но у читателей и зрителей остается ощущение недосказанности. Все показания выглядят неубедительно и ненадежно. «Ты была вся в золоте», – поет стареющий любовник в мюзикле «Жижи». Девушка поправляет его: «Я была одета в голубое». – «О да, – отвечает он, – я отлично это помню». Мы все запоминаем события одинаково плохо.

Относительно неразвитая память способствует развитию воображения. Каждое ложное воспоминание есть вклад в создание новой реальности и нового будущего.

Предвосхищение

Искаженные воспоминания способствуют развитию воображения, но не являются его единственным источником. Для этого требуется то, что Роберт Арп, специалист в области биомедицины, назвал «сценарием визуализации». Этот сценарий лежит в основе практического воображения. Арп связывает его развитие с психологической адаптацией наших далеких предков из семейства гомининов, происходившей в процессе изготовления сложных орудий труда, таких как, например, охотничье копье. До определенного момента никому в голову не приходило превратить палку в метательное копье и в дальнейшем усовершенствовать его, прикрепив острый наконечник.

Сравнение с животными в этом контексте было бы не совсем корректным: животные тоже способны использовать палки разными способами. Шимпанзе могут с помощью палки дотягиваться до различных объектов, вытаскивать их, скажем, из воды, или сбивать с веток орехи. Также обезьяны могут использовать палки для устрашения сородичей в борьбе за территорию или самку. То, что шимпанзе не могут вообразить палку в роли копья, говорит лишь об их ограничен-

ной физической способности бросать что-либо на дальние расстояния. Нечеловекообразные обезьяны, не умеющие метать предметы, находят иное практическое применение палкам, и это тоже воплощение определенного «сценария визуализации». Многие животные используют воображение для достижения цели. Когда крыса ищет выход из лабиринта, разумно предположить, что она осознает то, что делает. Когда путем проб и ошибок моя собака разрабатывала свой гениальный (но, к сожалению, провалившийся) план по поимке белки, она, по-видимому, имела определенные представления и ожидания на этот счет.

Собаки могут видеть сны, кошки тоже. Бывает, они дергаются и перебирают лапами во сне, рычат или поскуливают. Их веки подергиваются, а глазные яблоки вращаются, как это бывает у людей в быстрой фазе сна. Животным может сниться игра, погоня или пища. Это не значит, что в состоянии бодрствования они умеют фантазировать так же, как это делают люди. Сон – особое состояние сознания со своими законами и правилами, и лишь во время него животные могут переживать нечто похожее на работу воображения.

Этот факт может несколько прояснить нам, как, зачем и при каких условиях у наших предков появилась такая способность, как воображение. Моя собака охотится, как это делали и древние собаки, и первобытные люди. Эксперт по эволюционной психологии животных (представим себе такого специалиста) выявил бы, что все собаки, даже комнатных по-

род, происходят от хищников: они любят потрошить игрушки; играют, как бы нападавая; раздирают коврик, как будто под ним в норе прячется лиса или кролик. Я не хочу использовать понятие «*Man the Hunter*»³, ведь такая формулировка может не понравиться феминисткам (хотя лично для меня слово «*man*» в данном случае лишено гендерной окраски). Поскольку охота – это всего лишь один из способов добывания пищи, можно, например, применить понятие «*Human Forager*»⁴. Те виды живых существ, которые были одновременно и охотниками, и добычей, так или иначе развивали свои способности к воображению, ведь в обоих случаях им требовалось умение прогнозировать и действовать на опережение.

Если воображение – это способность видеть то, чего пока не существует в действительности, а память помогает представить события, которые были какое-то время назад, то предвосхищение включает в себя и первое, и второе: это возможность представлять то, чего пока нет, но что *может случиться*, предвидение опасностей или предполагаемых трудностей. Если соединить плохую память и умение предугадывать события, в итоге мы получим воображение.

Предвосхищение можно считать продуктом эволюции,

³ «Человек охотящийся» (англ.), однако слово «*man*» в английском языке означает еще и «мужчина». – *Примеч. пер.*

⁴ «Человек добывающий» (англ.); *human* – «человек, человеческий». – *Примеч. пер.*

оно заложено в генах и предназначено для обеспечения выживания вида. Открытие так называемых зеркальных нейронов (нейронов головного мозга, которые активизируются как при выполнении определенного действия, так и при наблюдении за тем, как его выполняют другие) позволило понять суть механизмов эмпатии и подражания. Действие этих нейронов изучали на примере подражательного поведения макака. В 2005 г. были проведены эксперименты, в ходе которых одной группе обезьян показывали лишь предположительное намерение человека захватить еду, а другая группа наблюдала уже всю сцену целиком. Результаты в обеих группах были идентичны, обезьяны вели себя одинаково.

Развитие культуры совершенствует способность к предвосхищению, но только если в процессе эволюции для этого были созданы определенные условия. Это касается и хищников, и добычи – возможность прогнозировать действия второй стороны важна и для тех, и для других.

У людей эта способность развита больше, чем у других видов, но мы и нуждаемся в ней сильнее, – ведь у нас не так много дополнительных механизмов защиты. Человеку сложно убежать от хищников, догонять добычу и соперничать за еду. Мы плохо лазаем по деревьям, что ограничивает доступ к пище и лишает возможности построить себе надежное убежище. У нас не такое острое зрение, нюх и слух, как, скажем, у представителей семейства собачьих и кошачьих. Природа не дала нам когтей и клыков. Но нашим предкам все

же приходилось охотиться, поскольку растительная пища не могла полностью удовлетворить их потребности в питательных веществах. Сначала первобытные люди подбирали падаль или останки убитых другими хищниками животных, но постепенно сами научились охотиться и добывать себе мясо.

Эволюция одарила человека некоторыми физическими преимуществами: например, благодаря прямохождению нам доступен широкий обзор местности и свободное использование рук. При этом опора только на две конечности лишает нас определенной ловкости, выносливости и устойчивости. Но человек приобрел способность изобретать орудия труда и приспособления для охоты, например метательные копья, что позволило ему охотиться на расстоянии и не подвергать свою жизнь лишней опасности. Чтобы попасть в движущуюся цель, нужно уметь предугадывать ее маневры – так способность к предвосхищению компенсирует наши недостатки и увеличивает возможности.

Понять суть механизма предвосхищения ученым помогло в том числе наблюдение за поведением приматов. Им тоже свойственно это качество, у многих оно настолько развито, что даже сравнимо с человеческим. Некоторые приматы умеют рисовать (как шимпанзе по имени Конго, чьи картины продаются за тысячи долларов), кто-то из них даже сочиняет новые слова (как Уошо – первая обезьяна, которую ученые из Института Йеркеса обучили говорить на американском языке жестов; Уошо даже придумывала свои собствен-

ные названия некоторым предметам: например, бразильский орех она называла «каменной ягодой», а «водными птицами» называла лебедей, даже когда наблюдала на ними на суше). Другие нечеловекообразные обезьяны способны изобретать новые технологии, соблюдать определенные ритуалы и даже следить за своим внешним видом, хотя подобные действия не входят в число необходимых и обязательных для выживания.

Так почему же воображение человека развито лучше, чем у его ближайших сородичей-приматов? Во-первых, дело в хорошо развитой памяти шимпанзе и горилл: как мы уже знаем, союзником воображения является именно плохая память. Во-вторых, разные физические возможности: человеку нужно уметь предвосхищать события, чтобы компенсировать этим свое телесное несовершенство. Эволюционная психология, у которой много как сторонников, так и противников, дает и другие объяснения.

Удивительно, но в прошлом среди приматов лишь людям приходилось много охотиться, – это объясняется нашей высокой потребностью в пище животного происхождения. Иногда вынуждены охотиться шимпанзе и бонобо (которых раньше называли «карликовыми шимпанзе»). Данные виды обезьян довольно хорошо умеют выслеживать добычу и нападать, но до 1960-х гг. никто не видел их охотящимися. Возможно, переключиться на новый способ добывания пищи шимпанзе вынудил человек, вытеснив их из привычной

среды обитания. В любом случае охота не является их типичным образом жизни в отличие от *Homo sapiens*. Обычно животная пища составляет не более 3 % рациона обезьян, а у людей эта цифра гораздо выше – около 60 %.

В основном шимпанзе-хищники охотятся на диких свиней и маленьких антилоп, а в Гомбе, штате на северо-востоке Нигерии, – на колобусов. У человека выбор добычи гораздо шире. Обезьяне требуется около двадцати лет, чтобы стать умелым охотником, научиться преследовать жертву и загонять ее в ловушку. Молодые и неопытные обезьяны своими неумелыми действиями лишь обращают жертву в бегство. Люди обучаются навыкам охоты гораздо быстрее. Но тем не менее шимпанзе демонстрируют способности к предвосхищению, предугадывая путь, по которому направится добыча; они планируют ловушки так же умело и грациозно, как это делает защитник в американском футболе. Резюмируем: охота заставляет развивать навык предвосхищения, но у *Homo sapiens* он развит лучше, чем у других животных, в том числе наших ближайших сородичей.

Хорошо развитая способность предугадывать события дает толчок к развитию воображения. Когда мы пытаемся прогнозировать ситуацию, то воображаем себе место, где могла бы спрятаться добыча или где нас может поджидать хищник. Мы заранее готовимся к нападению или к встрече с опасностью. Если человек способен заранее представить себе врага, жертву, проблемы или их решение, он, скорее всего, сможет

вообразить и нечто более абстрактное, незнакомое или пока не существующее в реальности: новые виды живых существ, незнакомую пищу, музыку, фантастические истории, оригинальный цвет, невиданное ранее чудовище, эльфа или фею, нечто большее, чем бесконечность, или даже самого Создателя. Мы можем даже вообразить себе Ничто – это уже фантазия в наивысшей степени проявления. Именно так сила предвосхищения стимулирует работу воображения и рождение идей.

Воображение выходит далеко за пределы памяти и предвосхищения, оно уже не служит потребности выживать. Мы с восторгом внимаем песням и стихам, восхищаемся игрой актеров, замираем в священном ужасе перед шаманом, с благоговейным трепетом вслушиваемся в текст молитвы. Наше воображение высвобождается в танце, под стук барабанов, под действием алкоголя, стимуляторов и наркотиков. Я надеюсь, читатели согласятся со мной: воображение есть результат сочетания двух факторов: плохо развитой памяти, искажающей действительность и создающей новую реальность, и нашей сверхразвитой способности к предвосхищению.

Давайте проведем мысленный эксперимент: представьте свою жизнь без воспоминаний и ожиданий (то есть предвосхищения). Откуда взяться воображению? Пример подобной ограниченности – сержант Фрэнсис Трой в романе Томаса Харди «Вдали от обезумевшей толпы». «Воспоминания – это

обуза, а предвосхищение – блажь и излишество» – это слова жалкого и скучного человека, неспособного на сочувствие к другим. Такой человек не вызывает ни интереса, ни симпатии.

Мысли и язык

Помимо памяти и предвосхищения, для воображения важен еще и язык. Под «языком» я подразумеваю систему символов: согласованный набор жестов и звуков произвольной природы, который служит для передачи различной закодированной информации. Если вы покажете мне картинку с изображенной на ней свиньей, смысл вашего сообщения будет мне ясен, поскольку на картинке зафиксирован конкретный, а не абстрактный образ. Но если вы мне скажете слово «свинья», я не сразу смогу понять, что вы имеете в виду, пока не разгадаю закодированный смысл. Слова – это символы. Язык, таким образом, способствует развитию воображения: чтобы разгадать значение сказанного, нужно включить воображение, затем из образов или звуков оформляются доступные для понимания идеи.

Некоторые считают, что представить себе можно лишь то, у чего есть название. Джейкоб Броновски так думал, например. Этот удивительно эрудированный человек был убежден в том, что воображение – это уникальный дар всему человечеству. «Это способность, – сказал он незадолго до своей

смерти в 1974 году, – представлять в своем воображении то, чего нет в реальности, – большой прорыв в развитии человечества. Чтобы вообразить себе существование чего-либо вовне, в сознании человека все же должен присутствовать некий символ».

Некоторые типы мышления и правда зависят от языка. Говорящие на английском или голландском люди, например, иначе понимают взаимосвязь между понятиями *sex* («пол») и *gender* («род; гендерная принадлежность»), чем говорящие на испанском или французском языке, где нет слова для определения *common gender* («общего рода»), а для характеристики объектов мужского рода используются слова женского рода, и наоборот. Испанские феминистки вынуждены изобретать новые понятия женского рода – названия для женщин-адвокатов или министров, в то время как в англоязычной среде, напротив, есть тенденция к отказу от феминитивов (например *actress* или *authoress*).

Впрочем, ученые склонны несколько преувеличивать значение языка в восприятии окружающего мира. На основании последних научных данных можно сделать вывод, что чаще всего сначала рождается слово, а потом с его помощью оформляется идея, а не наоборот. Исследования показывают, что даже младенцы проводят систематический отбор, прежде чем издать какой-либо звук. Трудно четко объяснить, каким образом зарождается мысль при отсутствии навыка владения языком, но ясно, что можно сначала пред-

ставить себе объект, а уже потом найти для него соответствующее обозначение. «Ангелы, – как сказал однажды Умберто Эко, анализируя творчество Данте, – не говорят. Они понимают друг друга на уровне мысли; все, что им нужно и положено знать, они постигают... не при помощи языка, но благодаря приобщению к Божественному Разуму». С той же уверенностью можно сказать, что язык есть результат и необходимое условие работы воображения.

Символы (а язык – это система символов) похожи на инструменты. И те и другие представляют собой продукт определенной деятельности. Их придумывают для того, чтобы облегчить восприятие вещей, не имеющих материального воплощения, для восполнения различных пробелов и придания новой окраски уже существующему образу. Именно так когда-то люди впервые попробовали использовать палку вместо утраченной конечности, а линзы – для изменения цвета глаз. В языке то же самое: звуки служат для обозначения эмоций или объектов и заменяют собой недостающие элементы. Например, сейчас, когда я пишу эти строки, моя жена и собака находятся от меня далеко, но я все равно могу вообразить, что они рядом. Я допил свой кофе, но перед моим мысленным взором кофейная чашка все еще дымится, и этот образ я могу передать вам, моим читателям. Конечно, чем больше и разнообразнее набор знаков, тем свободнее и плодотворнее воображение. Язык (или любая другая система символов) и воображение подпитывают друг друга, но, ско-

рее всего, возникли они независимо одно от другого.

Предположительно язык стал нашей первой знаковой системой. Как давно она появилась? Развитие мышления часто связывают с языком, но что-то утверждать здесь трудно. Изучение особенностей развития челюсти и нёба древнего человека привело к весьма противоречивым выводам относительно того, когда возник первый человеческий язык. Речевой аппарат здесь, собственно, ни при чем: он не может объяснить факт появления языка. Как бы то ни было, напрашивается вывод, что возникновение языка обусловлено необходимостью в общении и обмене информацией для улучшения совместной деятельности при объединении в группы. Первоначально наши предки узнавали друг друга, облизывая и обнюхивая, как сейчас это делают собаки (или, может быть, искали друг у друга блох, как обезьяны). Язык, скорее всего, сначала был средством самовыражения и предназначался для демонстрации боли, радости или удовлетворения, но не для общения. Наши предки громкими звуками сопровождали любые физические проявления своего организма, например чихание, кашель, зевание, отхаркивание, вдох или выдох, освобождение от газов. Какими были первые звуки, наделенные более глубоким смыслом? Скорее всего, было урчание от удовольствия, причмокивание губами или задумчивое бормотание. Первые *осознанно* произнесенные звуки, вероятно, означали предостережение об опасности или, наоборот, это было выражение угрозы при отстаивании своей

территории. То есть скорее всего, это был визг, рычание или какие-то выкрики, помогающие показать свое доминантное положение.

Кроме того, если рассматривать язык исключительно как средство общения, придется признать, что он не очень хорошо справляется со своей задачей. Не все символы хорошо передают заложенный в них смысл. Даже обозначения, специально разработанные, чтобы раскрыть суть определенного понятия, часто бывают неточными. Однажды я наблюдал, как один мой знакомый растерялся, когда искал туалет в дорогом ресторане. Он долго стоял в нерешительности перед дверями, на которых были изображены клубника и банан, прежде чем смог, наконец, сориентироваться. Меня часто удивляют иконки, которые всплывают на экране моего компьютера. Как-то я прочитал одну забавную статью в газете, в которой автор рассказывал о том, как хотел купить маленький золотой крестик в подарок на крещение. «Вы хотите тот, что с маленьким человечком?» – спросил его продавец. Многие знаки в языке не соответствуют обозначаемому объекту, поэтому шанс ошибиться и ввести в заблуждение довольно велик.

Недопонимание мы считаем чем-то плохим, поскольку из-за него возникают конфликты, распадаются браки, снижается эффективность взаимодействия. Но вообще-то оно имеет и хорошие стороны: заставляет нас рождать множество идей. Все новое – это хорошо забытое старое. Язык помогает сфор-

мулировать новые идеи и задумки, которые порой могут получить неожиданное и интересное воплощение именно благодаря неточности формулировок.

Создание культуры

Память, предвосхищение и в некотором смысле язык способствуют развитию воображения. Идеи, если моя точка зрения верна, есть конечный продукт этого процесса. И что? Зачем они нужны в реальном мире? Разве не важнее такие факторы, как болезни, эволюция, экология, экономические законы и смена исторических эпох, – словом, все то, что не поддается никакому контролю? Человек не может влиять на естественный ход событий лишь силой своей мысли. Или все-таки может? Есть ли шанс вырваться из этого круговорота живым и невредимым?

Я считаю, что идеи помогают нам творить этот мир: все, что мы имеем и что нас окружает, рождается сначала в наших головах. Людей часто преследуют неудачи, но даже они не напрасны. Ошибки оставляют след в судьбе, меняют ход событий и в конечном итоге способствуют созданию новой реальности.

Человечество развивалось совсем не так, как животный мир. Многие виды живых существ объединяются в сообщества: живут стаями, стадами или колониями с разной иерархической структурой, но все животные, независимо от ро-

да, вида или среды обитания, следуют одним и тем же законам. Их поведением управляют инстинкты. У многих видов животных есть свои «традиции», то есть передача знаний и опыта от старших поколений к младшим.

Первые свидетельства существования культуры у животных были обнаружены в 1953 г. в Японии, когда приматологи выявили необычное поведение молодой макаки по имени Имо. Ученые взяли под наблюдение группу макак, питавшихся сладким картофелем. Прежде чем съесть корнеплод, обезьяны предварительно соскабливали пальцами грязь с его поверхности. Имо же случайно обнаружила, что плод легче очистить от земли, погрузив в ручей или в море. Подготовить картофель к еде привычным способом было довольно сложно, а в результате полоскания в воде песок и грязь быстро смывались. Имо сделала революционное открытие, а еще она стала обучать новому методу и других обезьян, начав со своей матери, братьев и сестер. Этот навык макаки сохранили и по сей день. У них сформировалась определенная культура поведения: соблюдение ритуалов для поддержания традиций, а не ради практического результата. Обезьяны и сейчас погружают сладкий картофель в воду перед едой, даже если им предлагают уже чистый и готовый к употреблению продукт.

За последние семьдесят лет науке стали известны и другие случаи формирования культуры у животных: приматов, дельфинов, китов, ворон, певчих птиц, слонов и крыс. Один

исследователь даже предположил, что зачатки культуры есть в любом сообществе, даже у бактерий, а для ее развития требуется лишь время и определенные обстоятельства. Однако пока ни одному виду животных не удалось превзойти *Homo sapiens* по части разнообразия культурного развития. Человеческая культура представлена в разных вариациях, каждая из которых продолжает развиваться и видоизменяться. Киты придерживаются определенной социальной иерархии. Шимпанзе могут менять свое поведение в зависимости от среды обитания: где-то они разбивают орехи при помощи камня, а где-то палочкой достают термитов. Но человек все равно остается вне конкуренции. Даже бабуинам с их разнообразными брачными сценариями (от моногамных отношений до гарема и беспорядочных половых связей) не удалось превзойти человека.

Сейчас в рамках нового научного направления специалисты изучают останки древних шимпанзе. Джулио Меркадер из Университета Калгари, его коллеги и студенты проводят раскопки в местах, где шимпанзе обитают уже более тысячи лет. Удалось выявить определенное постоянство в использовании орудий труда: много лет назад, как и сейчас, обезьяны разбивали орехи при помощи камней. Отдельного рассмотрения требует «политическое» устройство обезьяньего сообщества. Профессор Института Йеркеса Франс де Вааль, например, в своей работе рассматривал так называемый макиавеллизм шимпанзе. Среди приматов наблюдается соперни-

чество за власть: противостояние двух потенциальных альфа-самцов, каждого из которых поддерживает своя группировка.

Эта борьба чем-то напоминает революционный переворот, когда более развитый и умный самец свергает вожака и становится на его место. Классический пример – история, произошедшая в 1964 г. в национальном парке Гомбе, когда не обладающий крепким телосложением, но довольно сообразительный самец шимпанзе по имени Майк захватил власть в своей стае. Майк украл у ученых жестяные банки, начал издавать с их помощью оглушительные звуки, благодаря такой «шумовой атаке» одержал верх над альфа-самцом и занял его место на целых шесть лет. Это была первая обезьяна-революционер, которая не только узурпировала власть, но и сделала это нетрадиционным для своего племени способом. Можно предположить, что так же поступали и представители семейства гоминидов в далеком прошлом. Но Майку все же не хватило ума придумать более мирный способ передачи власти.

Интересная трансформация политического устройства была выявлена в племени бабуинов в 1986 г. – много сильных и активных особей погибло то ли в результате отравления, то ли заболев туберкулезом. Среди выживших не нашлось нового альфа-самца, в результате вожаком стаи стала самка, что положило начало новой традиции передачи власти.

Иногда племя шимпанзе может расколоться на части, когда сразу несколько молодых и сильных самцов начинают претендовать на лидерство. Это приводит к столкновениям с *vieille garde* («старой гвардией»). Но такое происходит не часто и в целом не оказывает значительного влияния на законы общественного устройства шимпанзе. По сравнению с постоянными глобальными потрясениями и переворотами в политической структуре человеческого общества, в обществе приматов все довольно стабильно.

Сила мысли

Вопрос, на который все историки пытаются найти ответ: «Для чего вообще нужна история?» Почему история человечества претерпевает столько изменений, в то время как образ жизни животных из века в век остается примерно тот же?

На этот счет есть две теории: согласно первой, все дело в материи; согласно второй – в разуме. Люди думают, что разум и материя – это разные вещи. Высказывание из сатирического журнала, которое стало эпиграфом для моей книги, удивительно точно отражает характер взаимоотношений этих двух понятий: разум не есть материя, а материя не есть разум. Разница пока толком не ясна. Ученые отрицают дуализм разума и тела. Сейчас нам уже известно, что когда в нашем сознании возникают идеи или мысли, этот процесс сопровождается физическими и химическими изменениями в

мозге. Мышлению приходится нелегко в нашем физическом мире. Ограничения и несовершенство окружающей среды, стрессы и давление извне – все это влияет на свободу мышления. Мы – заложники эволюции, мы вынуждены выживать в сложившихся условиях. Голод, жажда, страх – все это влияет на наш обмен веществ и воздействует на мысли.

Однако я не думаю, что человеческое поведение сводится лишь к реакции на внешние раздражители: во-первых, воздействию внешних обстоятельств подвержены и другие живые существа, а не только люди; во-вторых, глобальные перемены довольно сильно растянуты во времени, а образ жизни человека меняется с удивительной скоростью.

Рискну выдвинуть идею: главная причина изменений заключается в том, *где они зародились*. Разум в этом смысле не то же самое, что мозг; он не сосредоточен в какой-то одной его области или структуре. Разум – это скорее взаимодействие нескольких церебральных функций: творческое озарение, в результате которого у человека на мгновение обостряются зрение и слух, возникает в тот момент, когда память и предвосхищение вступают в схватку друг с другом. Мир вызывает опасения у тех, кого пугает свобода и связанная с ней ответственность. Находясь под влиянием предубеждений, мы считаем, что идеи нашептывают нам ангелы или черти, боги или демоны, а достижения и инновационные открытия предков мы приписываем влиянию внеземных цивилизаций. Для последователей Карла Маркса и других историков разум

есть игрушка в руках неких внешних обстоятельств. Социобиологи уверены, что мы способны совершенствовать свое мышление лишь в рамках заложенных в генах возможностей. Для тех, кто верит в миметику, идеи автономны и существуют по своим законам, – они проникают в мозг подобно вирусу.

Но все эти точки зрения не описывают истинные переживания, сопровождающие процесс рождения мысли. Мысли появляются у нас в голове, именно мы приводим их в этот мир. Следуя своей инстинктивной потребности найти смысл, мы собираем, анализируем и систематизируем информацию. В какой-то момент эти поиски пробуждают в нас воспоминания о пережитом опыте, рождают интеллектуальное удовлетворение от возможности возвыситься над материальными потребностями. Так появляется замысел.

Образ жизни человека меняется под влиянием мыслей. Наше главное отличие от других живых существ – это способность генерировать идеи и воплощать их в жизнь, менять и преобразовывать ее. Мы создаем в своем воображении средства борьбы против сил природы, изобретаем мощное оружие, открываем новые источники и месторождения, строим города, обретаем друзей, избавляемся от врагов и готовимся к жизни после смерти. Некоторые идеи мы тут же стремимся реализовать, от других хотим немедленно избавиться. Но перемены неизбежны в любом случае. Именно поэтому идеи так важны: они являются причиной изменений

и развития.

Глава 2

Собирая мысли

Мышление человека до начала земледельческого периода

На основании изложенного выше можно сделать вывод, что развитие мышления происходит не только у людей. Однако нам не дано точно знать, о чем думают другие живые существа – даже те, которые живут рядом с нами. А вот о некоторых идеях наших предков – гомининов из семейства гоминидов – мы все-таки можем догадываться благодаря дошедшим до нас свидетельствам.

Каннибалы и их моральные принципы: самые ранние идеи?

В одной из пещер в Атапуэрке в Испании в ходе раскопок было обнаружено самое древнее свидетельство каннибализма – ученые установили, что на этом месте 800 000 лет назад пиривало племя людоедов. Ученые разошлись во мнениях, пытаясь классифицировать найденные останки. Предпо-

ложение о том, что эти древние люди, возможно, являются нашими очень далекими предками, опередившими возникновение нашего вида где-то на 600 000 лет, казалось невероятным. Эти существа разгрызали кости себе подобных и высасывали костный мозг. Но ими руководил не только голод и ненасытность – это были думающие каннибалы. Мы осуждаем подобный образ жизни, считаем его бесчеловечным. Однако если подумать, каннибализм заложен в человеческой природе и культуре: все цивилизации строились на костях. До сих пор люди, подобно воюющим за власть шимпанзе, порой совершают необдуманные поступки по отношению друг к другу. Ни один другой вид млекопитающих не практикует каннибализм в таком же масштабе, как это делает человек: для всех остальных живых существ это экстренная мера. Можно выдвинуть предположение, что для древнего человека это тоже не было нормой, и чтобы решиться на подобный шаг, ему нужны были серьезные основания.

Опираясь на имеющуюся информацию о природе каннибализма, можно сделать вывод, что каннибалы из Атапуэрки участвовали в каком-то ритуальном действии, в котором был заложен некоторый смысл: может быть, желание войти в определенное состояние, приумножить свои физические возможности или вобрать в себя чужую душу и ее силу. Иногда каннибализм связан с наступлением массового голода и нехваткой белковой пищи. Однако чаще всего он преследует иные цели: самопреобразование, присвоение чужой силы,

ритуальное воссоединение с умершим, месть или демонстрация превосходства. Каннибализм в древности был распространен среди воинствующих племен и символизировал торжество победителей. Кроме того, человеческая плоть считалась пищей богов, – а значит, ее поедание позволяло приблизиться к божественному.

В 1870 г. охваченные безумием жители французской коммуны Отфай в департаменте Дордонь сожрали одного из своих соседей, которого по ложному свидетельству сочли прусским захватчиком или шпионом, – только так они могли утолить свою ярость и жажду отмщения. Для народа орокаива в Папуа – Новой Гвинее поедание врагов означало возможность отомстить за гибель своих воинов (с 1960-х гг. этот обряд считается незаконным). В племени хуа в Новой Гвинее поедали умерших, чтобы забрать у них жизненную силу. Женщины племени джими верили, что, поедая умерших сородичей-мужчин, они снова смогут стать фертильными. «Мы не позволим мужской плоти сгнить! – таким был их традиционный клич. – Мы сжались над ней! Иди ко мне, не отдавай свою плоть земляным червям, пусть лучше она растворится в моем теле!» Они неосознанно следовали за брахманами, которые, как пишет Геродот, защищали каннибализм и считали его единственно правильным способом прощания с умершими. Вплоть до 1960-х гг. в амазонском племени хуари поедали убитых врагов из мести и из сострадания – чтобы избавить их тела от ужаса разложения. Ацтек-

ские воины проглатывали части тел своих пленников, чтобы забрать их силу и доблесть. Представители семейства гоминидов из Атапуэрки определенно преследовали какую-то цель, подобную тем, что перечислены выше.

Одна из самых ранних идей – что можно изменить свою сущность, присвоить чужие качества и стать кем-то иным. Все возникшие позже подобные замыслы берут свое начало в пещере Атапуэрки: мы все еще хотим переделать себя и мир вокруг.

Приблизительно 300 000 лет назад (еще до появления *Homo sapiens*), задолго до того момента, когда лавина, сошедшая с гор, запечатала пещеру в Атапуэрке и превратила ее в капсулу времени, обитавшие на этой территории существа особым образом раскладывали кости своих умерших соплеменников. Мы не можем знать наверняка, что это значило, но в этом определенно был какой-то смысл. Возможно, таким образом наши предки символически проводили границу между жизнью и смертью, выражали особое уважение к мертвым и преклонение перед их заслугами.

Представления о загробной жизни

Другое захоронение, предположительно сделанное около 40 000 лет назад, предоставило ученым еще более интересные данные. В ходе исследований выяснилось, что найденные останки принадлежат не *Homo sapiens*, а неандерталь-

цам, стало быть, нет никаких оснований думать, что воображение и способность рождать идеи у неандертальцев были выражены слабее, чем у других видов древних людей. Первоначально ученые предполагали, что данное творчество принадлежит представителям *Homo sapiens*, жившим около тридцати или сорока тысяч лет назад. При повторном анализе палеоантропологического материала в 2018 г. использовали метод уран-ториевого датирования. Было установлено, что наскальные изображения, найденные в пещере на севере Испании, относятся на самом деле к XVII в. до н. э. (как и археологические раскопки, о которых говорилось в предыдущем подразделе). Это были нарисованные образы животных, отпечатки рук и графические знаки. Тем же методом был пересмотрен возраст сделанных из ракушек артефактов и найденных остатков красящих веществ – их создали приблизительно 115 000 лет назад. Если новые данные верны, это может говорить о том, что древние художники были представителями некоего вида, населявшего Землю задолго до появления на ней *Homo sapiens*, то есть в эпоху неандертальцев. Все это свидетельствует о наличии у неандертальцев активного воображения и довольно развитого мышления.

В Ла-Ферраси во Франции было обнаружено еще одно захоронение: двое взрослых (мужчина и женщина), свернувшиеся в позе эмбриона, типичной для неандертальцев; трое детей в возрасте от трех до пяти лет и новорожденный младенец, лежащие посреди каменных орудий труда и костей

животных, а также останки двух, по-видимому, мертворожденных детей, – очевидно, что могилу оформляли с должным уважением. Другие неандертальцы были похоронены с еще большими почестями: рядом с останками одного из тел были найдены рога горного козла, а другое было окроплено каплями охры. В пещере Шанидар на территории современного Ирака обнаружили древнюю могилу зрелого мужчины с ампутированной рукой. У него были серьезно повреждены обе ноги и один глаз, а лежал он на подстилке из цветов и лекарственных трав. Скептически настроенные ученые попытались сперва причислить эти и другие могилы к ритуальным захоронениям, но захоронений было так много, что скорее всего, смерть погребенных в них людей наступила в результате естественных причин. Некоторые исследователи, наоборот, высказали мнение, что у неандертальцев существовало довольно четкое представление о гуманности, имелась своего рода система социальной поддержки, вера в бессмертие души. Есть также точка зрения, что для неандертальских племен была характерна геронтократия как форма политической власти.

Данные захоронения свидетельствуют, что у древних людей было очень развитое мышление: их действия были обусловлены не только необходимостью уберечь тела от растерзания падальщиками или оградить живых от соседства с разлагающейся плотью, но также потребностью определенным образом разграничить жизнь и смерть. Разница между этими

двумя понятиями не настолько очевидна, как всем нам кажется. На самом деле довольно трудно определить, что есть начало жизни, а состояние комы, например, не позволяет с точностью сказать, что собой представляет конец. Но тридцать или сорок тысяч лет назад неандертальцы сделали попытку разграничить эти два понятия, проводя специальные обряды, знаменующие наступление смерти. Древние люди ее чтили, подчеркивая таким образом ценность жизни. Племена, практиковавшие церемонию погребения, испытывали благоговейный трепет перед жизнью, и это отношение лежит в основе человеческой морали и нравственности.

Погребальные церемонии как будто свидетельствуют о том, что проводившие их люди верили в загробную жизнь. Однако подобный ритуал может означать всего лишь выражение уважения и дань памяти умершего. Положенные в могилу предметы могут быть также символом искупления и утешения. Но тридцать-сорок тысяч лет назад подобный набор предметов: пища, одежда, ценности и орудия труда – и правда мог быть предназначен для использования умершим в ином мире. Бедным клали в могилу немного охры, а представителям высших слоев общества – орудия труда и украшения.

Идея о том, что смерть можно победить, скорее всего, пришла по душе древним людям. Трансформация, которой подвергаются наши тела в ходе жизни, не меняет нашу глубинную сущность. Мы проживаем пубертат, менопаузу и

разного рода травматические события, не переставая быть теми, кто мы есть. Смерть – это та же трансформация, но более радикальная. Так почему мы воспринимаем ее как конец? Если судить по набору предметов, которые скорбящие клали в могилу, у этих людей все же была надежда на продолжение жизни после. Однако при этом важно было сохранить свой статус, а не душу. Подобное отношение к вопросу сохранялось вплоть до I в. до н. э., а последующие перемены начали происходить лишь в некоторых частях мира.

Изменение взглядов повлияло на суть идеи о загробной жизни: люди стали задумываться о том, что в следующей жизни их может ждать вознаграждение либо наказание, или грезить о возможности реинкарнации и возвращении на землю в ином воплощении. Страх и надежды, связанные с жизнью после смерти, легли в основу формирования морали и нравственности, что при правильном подходе позволяло вести общество в нужном направлении.

Раскопки захоронений в пещере Шанидар могут говорить о том, что покалеченный мужчина смог дожить до своего преклонного возраста благодаря заботе своих соплеменников-неандертальцев, соответственно, милосердное отношение к слабым было нормой для сообщества этих древних людей. Это может означать, что уже в те далекие времена люди следовали морально-этическим нормам поведения, в защиту которых в наши дни выступают социал-демократы, либо умерший мужчина был носителем некоей мудрости и эзоте-

рических знаний, доступ к которым племя рассчитывало получать.

Первая этика

Каждый из нас может найти объяснение тому, что он делает. Но почему наша совесть порой заставляет нас пренебречь этими рациональными рассуждениями? Откуда взялось понятие морали – свода нравственных норм, которые позволяют различать добро и зло? Эти правила поведения передаются из поколения в поколение, а свое начало они берут, вероятно, в глубокой древности. В мифологии некоторых народов установление моральных норм выделяется как одно из самых первых открытий человечества. В Книге Бытия это третье по счету в списке деяний Адама (после освоения языка и создания общества). Адам определил добро и зло, и это стало его важнейшим вкладом в историю.

Обратимся к данным археологических исследований, которые свидетельствуют о бескорыстном поведении древнего человека. Нас поражает альтруизм неандертальцев, но ведь мы можем упустить из виду другое объяснение поступков этих древних людей – так называемое *quid pro quo*⁵. Многие нечеловекообразные существа склонны к бескорыстному поведению, хотя ничего не знают об этических нормах. (Впрочем, животные иногда огорчаются, когда их порывы остают-

⁵ «Одно вместо другого» (лат.). – Примеч. пер.

ся незамеченными. Можно вспомнить историю о собаке, натренированной вытаскивать людей из-под завалов, которая впала в депрессию из-за длительного простоя в работе. Чтобы помочь псу прийти в норму, пришлось инсценировать ситуацию спасения.) Альтруизм иногда можно спутать с простым соблюдением приличий и следованием определенным правилам: иногда на оказание помощи ближнему толкает инстинкт самосохранения, а еще, помогая кому-то, мы можем рассчитывать на ответную поддержку. Соблюдать нормы поведения нас вынуждает личная заинтересованность, а «нравственность» – лишь прикрытие для получения желаемой выгоды. Зачастую мы ведем себя правильно в силу эволюционных предпосылок. Возможно, «эгоистичный ген» побуждает человека к альтруизму ради сохранения генофонда. Дошедшие до нас свидетельства способности древних людей различать добро и зло на самом деле имеют практическое обоснование.

Но до конца разобраться в этом вопросе нам пока не удалось. Хорошо и плохо, с философской точки зрения, – это понятия, позволяющие обозначить допустимый уровень соотношения между удовольствием и болью. Добро и зло, как считают скептики, – достаточно расплывчатые понятия, каждое из которых может служить эгоистичным целям. Даже те философы, которые возводят нравственность в статус добродетели, иногда признают, что зачастую за «правильным» поведением скрывается человеческая слабость. Добродетель,

скорее всего, подобна всем другим великим целям – мало кому удастся достичь ее в полной мере, но стремление к этому уже облагораживает душу. В результате мы имеем общество, способное на самопожертвование и верность. Мы сможем ближе подойти к пониманию образа мыслей древних людей относительно добра и зла и других категорий, если попытаемся глубже понять смысл некоторых фактов, дошедших до нас спустя 170 000 лет. Возможно, с точки зрения археологии это не такой уж и большой срок, но для того, чтобы попытаться обнаружить зачатки возникновения мысли в столь далеком прошлом, нужна определенная смелость.

О чем думал Homo sapiens

Чем дольше идея витает в воздухе, тем больше у нее шансов преобразовать мир. Однако чтобы идентифицировать самые продуктивные умозаключения, необходимо воссоздать или вообразить картину событий как можно более далекого прошлого. Распознать идеи столь давнего периода довольно трудно – во-первых, многие факты доходят до нас в искаженном виде, а во-вторых, зачастую сложно бывает разграничить идеи и следование инстинктам. Идеи *возникают* в сознании. Инстинкты укоренились там еще раньше – это врожденные, выработанные в ходе эволюции особенности поведения, которые, согласно некоторым теориям, первоначально представляли собой реакцию организма на изменение усло-

вий окружающей среды. Другой вариант происхождения инстинктов – их формирование из часто повторяющегося случайного опыта. Именно так, по мнению Чарльза Лэма, люди когда-то научились готовить, по неосторожности один раз уронив тушу свиньи в огонь. Дарвин точно так же описывал обстоятельства зарождения земледелия: «один старый мудрый дикарь» заметил вдруг, как из упавшего в почву семени пробивается росток.

Для получения ответов на многие вопросы, которые касаются зарождения идей, нам не хватает конкретики. Откуда вдруг у человека возникла мысль научиться говорить и писать? Может, у некоторых наших предков появилась необходимость в изобретении языка, то есть системы символов, разработанной для обозначения отвлеченных понятий? Или человек по природе своей склонен к символическому выражению своих мыслей? Или дело в том, что символы есть продукт коллективного бессознательного? А может, язык оформился сам в результате склонности человека общаться жестами? Разве тот факт, что мы облачаемся в разные одежды и украшаем свои дома, не свидетельствует о том, что когда-то до этого додумались наши предки, нуждавшиеся в удобстве и уюте, тепле и безопасности? Некоторые привычные понятия и особенности поведения пришли к нам «естественным» образом из глубины времен.

Следующая задача данной главы заключается в том, чтобы попытаться разобраться в происхождении некоторых

идей, опираясь на полученные артефакты и данные антропологических исследований образа жизни ранних земледельцев. Так мы сможем сформировать список основных идей этого периода.

Противоречивые символы

Мое предложение обратиться за ответами в такое дальнейшее прошлое может вызвать недоумение, поскольку большинство людей уверены в том, что история развития мысли берет свое начало где-то в I в. до н. э., в Древней Греции.

Несомненно, Древняя Греция периода VIII–III вв. до н. э. внесла довольно большой вклад в развитие человечества. Имена древнегреческих мыслителей вполне могли бы возглавлять списки наиболее значимых деятелей всех времен и народов наряду с евреями, британцами, испанцами, флорентийцами эпохи Раннего Возрождения и, например, уроженцами городов Манчестер XIX в. или Чикаго XX в. Однако древние греки были далеко не первыми мыслящими людьми. Представители *Homo sapiens* появились на Земле за 200 000 лет до образования Древней Греции, и в этот огромный отрезок времени появилось множество идей, в том числе гениальных.

В поиске надежных источников традиционно возникает желание обратиться к моменту зарождения письменности. На это есть три причины, и все они выглядят не очень убе-

дительно.

Во-первых, люди полагают, что лишь письменные свидетельства способны сохранить и передать идеи. Но в основном народы, населявшие нашу планету в прошлом, предпочитали устное творчество. Идеи увековечивались и другими способами: археологи обнаруживали их в найденных при раскопках фрагментах и останках, психологи извлекали их из глубин бессознательного. Иногда антропологи обнаруживали присутствие идей в унаследованных от предков традициях современных народов. Конечно, зафиксированные в письменном виде факты – самые надежные, но значительная часть событий прошлого относится к периоду до изобретения письма. Проиgnорировать этот период было бы непростительной ошибкой. Мы можем, по крайней мере, попытаться проанализировать особенности мышления людей в дописьменный период на основании имеющихся в нашем распоряжении данных.

Во-вторых, существует предположение (которое раньше разделяли жители Западного полушария) о том, что «примитивные», или «дикие», люди жили в полнейшем невежестве, не создавая практически ничего интересного и полезного. Прелогическое мышление сдерживало их развитие. «Для примитивного сознания, – писал в 1910 г. Люсьен Леви-Брюль, один из основателей современной антропологии, – все вокруг есть чудо, и оно не случайно; поэтому все вероятно, реально и закономерно». Но сознание не бывает

в буквальном смысле примитивным: у всех человекообразных существ сходный мыслительный аппарат, развивавшийся в течение долгого периода; все они думают о разных вещах, но обладают похожими способностями мыслить разумно, постигать истину или ошибаться. Примитивность не есть характеристика нашего далекого прошлого – этим словом можно описать и умы некоторых современных индивидуумов, которые отреклись от своих корней или пренебрегли чувствами и потребностями ближних.

В-третьих, склонность преувеличивать значимость прогресса часто вводит нас в заблуждение. Довольно сложно избавиться от предрассудков относительно примитивности мышления древних людей, ведь мы привыкли думать, что чем новее мысль или идея, тем она лучше: последнее приобщение, современное лекарство и др. Однако новое не умаляет значения старого. Современные разработки основываются на дошедших до нас более ранних знаниях – это та база, благодаря которой можно выйти на невиданный уровень и достичь немислимых высот. В этой книге мы еще не раз столкнемся с осознанием того факта, что для развития мысли необходимо опираться на опыт и знания наших предшественников. Нельзя не признать, что наши предки, жившие в Древних Афинах, во Флоренции эпохи Возрождения или в диссидентской Вене, были гораздо более плодовиты в плане идей, чем кто бы то ни было. Ошибочно полагать, что с течением времени мысль развивается все быстрее, устремля-

ьясь лишь в будущее и не оглядываясь назад. Все в мире движется по спирали. Вновь вспыхивают революции, наступает новый расцвет в культуре, возрождаются старые традиции. Давно забытое снова входит в нашу жизнь, оживляя и расцветчивая ее гораздо больше, чем вновь придуманное. Опыт – это тот багаж из прошлого, который нельзя игнорировать и о котором всегда стоит помнить.

Со времен ледникового периода до нас не дошли никакие письменные свидетельства, но зато довольно красноречиво выглядит символическое творчество, распространенное у народов, живших двадцать-тридцать тысяч лет назад: в наскальных рисунках можно встретить повторяющиеся жесты и позы, которые определенно имели какое-то значение. Произведения искусства этого периода похожи на своего рода зашифрованные послания – все эти точки и похожие на цифры значки, а также другие загадочные, но передающие какой-то смысл условные обозначения. Например, никто до сих пор не смог разгадать тайну надписей, изображенных на найденном во французском гроте Лорте фрагменте кости: ромбообразные фигуры, выгравированные на обломке рога северного оленя. Значение этих символов было известно лишь самому художнику и тем, кому эти знаки предназначались. Завиток в виде буквы «Р» часто встречается среди элементов наскальной живописи, и современные ученые считают, что он напоминает набросок женского силуэта. Может, знак, похожий на букву «Р» и не означает нечто относящее-

еся именно к женщине, но какой-то смысл в этом символе определенно присутствует.

Мысль о том, что какая-то вещь может использоваться для обозначения чего-то совсем другого, кажется странной (хотя для нас это привычное дело; нам, наоборот, сложно представить себя в мире, где нет символических обозначений, и то, что мы видим, есть именно то, что мы видим, — не более того). Предположительно идея о создании символов основывается на ассоциации, когда одни действия намекают на другие или когда одни объекты демонстрируют сходство с другими. Ассоциации есть продукт мышления, они рождаются в результате сплетения и перемешивания идей. К моменту, когда у людей впервые появилась возможность символически обозначать данные, у них уже имелись необходимые средства передачи и распространения информации. Это дало определенное преимущество перед другими видами и позволило расширить коммуникационные возможности и развить некоторые формы памяти.

Использование символа заставляет задуматься о его уместности и надежности, то есть о соответствии тому явлению, смысл которого символ должен передать. Когда мы привлекаем внимание к какому-то событию или явлению, скажем предупреждаем о приближении мамонта или саблезубого тигра, о пожаре или о сходе лавины, нам кажется, что наши намерения вполне понятны. Мы облакаем эти намерения в слова (или используем жесты, гримасы, рисуем картинки

на песке, стволе дерева, камне). Мы обозначаем происходящее так же, как об этом говорится в мифах о первом человеке. В Книге Бытия первым делом Бог сотворил свет, тьму, небеса и море и дал им названия. Затем он поручил Адаму назвать всех населяющих Землю тварей. Передать ощущение надвигающейся опасности можно без слов – через интуитивную реакцию, как это делают животные, воспроизводя определенные действия или издавая соответствующие звуки. Многие виды живых существ в ситуации опасности руководствуются инстинктами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.